

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47   Один и без оружия / Николай Леонов. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Николай Леонов —
классик советского детектива).

ISBN 978-5-699-92636-7

У начальника УГРО Константина Воронцова с бандитами разговор короткий. Бывший революционный матрос с врагами не церемонится. Другое дело — его помощник Иван Мелентьев, опытный сыщик царской закалки. Этот привык действовать аккуратно, обдуманно. За его плечами — опыт. Опасного рецидивиста Корнея, главаря преступной Москвы, Мелентьев знает лично. Чтобы поймать зарвавшегося бандита и его подельников, оперативники внедряют в преступную среду своего агента. Но в последний момент Корней, почуяв опасность, меняет место воровской сходки. У Воронцова не остается времени, чтобы предупредить своих. В бандитское логово он идет один...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92636-7

© Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2017

Глава первая

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

Начался сентябрь, но солнце палило нещадно, и Москва походила на Ялту в июле. На Бульварном кольце деревья опустили пожухлые листья, пыль покрывала тротуары и булыжные мостовые. Люди старались на улицу не выходить и, затаившись в квартирах и учреждениях, бессильно обмахивались газетами и безрассудно пили теплую воду. Редкие прохожие перебегали залитую солнцем мостовую, будто она простреливалась, жались к стенам в поисках тени. Извозчики дремали в пролетках, лошади, широко расставив ноги, спали, не в силах взмахнуть хвостами и прогнать ленивых мух. Даже совбур, которому в эти годы нэпа надо было ловить счастливые мгновения, откладывал дела на вечер и ночь, а днем отсыпался.

Около трех часов, когда асфальт начал пузыриться от ожогов, а тени съежились, в городе появился ветерок. Порой останавливаясь в нерешительности, он прошелся по городу, шмыгнул в подворотни, затаился, выскочил уже уверенный и нахальный,

бумажно зашелестел листвою деревьев, на круглых тумбах дернул заскорузлые афиши и погнал по булыжной мостовой застоявшуюся пыль.

В это время по безлюдному переулку тяжело шагали трое мужчин. Двое, прижимаясь плечами друг к другу, шли под ручку, третий, в промокшей от пота гимнастерке, с раскаленной кобурой на боку, держался на шаг позади. Идущие под руку выглядели странно. Один в скромной пиджачной паре, в сапогах с обрезанными голенищами. Второй в смокинге и крахмальной манишке, в лакированных штиблетах. Первый был смуглолиц, волосы короткие, черные и блестящие, скулы широкие, глаза под густыми бровями чуть раскосые, и не было ничего странного в том, что он носил кличку — Хан. Его спутник выглядел моложе, хотя они были одногодки — ровесники века, выше среднего роста, так же сух, жилист и широкоплеч, но белобрыс и голубоглаз, с девичьим, даже сквозь пыль проступающим, румянцем. И кличку его — Сынок — придумал человек неостроумный.

— Что решил? — спросил он, облизнув рассеченную губу.

— На мокрое не пойду, — выдохнул Хан, глядя под ноги.

— На своих двоих в академию, к дяде на поруки? — Сынок поднял голову, взглянул на выцветшее небо, по которому на город напозвала туча.

— У него же власть на боку, — имея в виду конвоира, ответил Хан. — Позови его.

Сынок остановился, достал из кармана папиросу и, добродушно улыбнувшись, сказал:

— Начальник, дай огоньку.

— Почему не дать? — советуясь сам с собой, конвоир пожал плечами, похлопал по карманам, достал коробок.

Сынок нагнулся, прикуривая, а Хан ударил конвойного кулаком по голове, будто прихлопнул. Тот взглянул недоуменно, упал на колени, затем безвольно свалился на бок.

Сынок и Хан, тесно прижимаясь друг к другу, бросились в проходной двор, и в переулке стало пусто, лишь конвойный лежал на боку, будто пьяный, и ветер припорошивал его пылью. Туча ползла, погромыхивая, несла с собой тьму, как бы пытаясь скрыть происшедшее в переулке. Ветер притих. Одиночные капли ударили по мостовой. Конвойный сел, держась за голову, потом с трудом поднялся, оглянулся.

Дождь упал отвесный, прямой, мгновенно вымыл дома, ручьями ринулся вдоль тротуаров, все шире разливаясь по мостовой. Потоп, обрушившийся на Трубную, начинался где-то на улице Воровского. Здесь, у аристократического особняка, воды было еще немного, она медленно наплывала на Арбатскую площадь, где соединялась с ручейками, спускавшимися с Гоголевского бульвара, и уже речкой направлялась по трамвайной линии «А», которую москвичи звали «Аннушкой». У Никитских ворот образовалось озеро, оно стекало по Тверскому

бульвару, мимо Горсуда, у памятника Пушкину раздваивалось, часть воды уходила направо по Тверской, а основной поток продолжал бег по рельсам «Аннушки», пересекал Петровку и выливался на Трубную площадь. Здесь путь ему преграждал вздыбившийся горбом Рождественский бульвар, который сюда же сливал воду, накопленную на Сретенке. Трубная оказалась на дне моря.

— И настал конец света, — сказал Сынок философски, глядя на затопленный до подножки трамвай и накренившуюся набок и готовую вот-вот упасть афишную тумбу.

Беглецы сидели в небольшой закуской, двери которой распахнул нэп. Обычно полупустая, сейчас она была набита мокрой и шумной публикой. Люди, ничего не евшие в жару, жадно уничтожали сосиски и пиво. Хан и Сынок, попавшие сюда одними из первых, оказались зажатými в самый дальний угол, у окна. Было душно и сыро, как в предбаннике, никто не обращал внимания на смокинг Сынка и обтрепанный пиджачок его соседа. Правая рука одного была пристегнута к левой руке другого стальными наручниками. Скованные руки беглецы, естественно, держали под столом. Хан смотрел на окружающих угрюмо и настороженно, Сынок же, улыбаясь, зыркал голубыми глазами и по-детски шмыгал носом.

— Простудился, вот незадача, — сказал он весело, ткнул своей кружкой в кружку соседа. — Тебя

как звать-то? Мы ведь теперь братья, даже ближе, — он дернул под столом рукой, натянул цепь.
— Хан.

— Батый? — Сынок подмигнул. — Видать, что ты косоглазому татарину родственничек. Видать, твоя какая-то бабка приглянулась татарчонку. — Он говорил быстро, блестел белыми зубами, глаза его, только что наивные и дурашливые, изучали соседа внимательно, чуть ли не царапали, пытаясь заглянуть человеку внутрь.

Сынок неожиданно отставил кружку, распахнул Хану ворот рубашки, потянул за цепочку, вытащил крестик.

— Хан, Хан, — повторил он, — а крестили как?

— Степаном, — Хан медленно улыбнулся, и лицо его просветлело, на щеке образовалась ямочка. — Один я в роду такой чернявый, батя и братьельники вроде тебя.

— А меня Николаем окрестили, среди своих Сыном кличут, — радостно сообщил Сынок, однако взгляда цепкого не опускал, разглядывал Степана внимательно и был осмотром явно недоволен. — Значится, Степан и Николай. Два брата акробата. Тебя что же, Степа, взяли от сохи на время?

— Что? — спросил Хан.

— По-свойски не кумекаешь? Я спрашиваю, мол, случайно погорел, не деловой? — Сынок выпил пиво, отставил пустую кружку.

Хан не ответил, лишь плечами пожал, разгрыз сушку, тоже допил пиво и спросил:

— Как расплачиваться будем? У меня в участке последний целковый отобрали.

— Это беда так беда. — Сынок взял со стола вилку. — Придержи полу клифта. — Подпарывая полу, говорил: — Последнее только ты, Хан, от широты души отдать можешь. — Он справился с подкладкой и положил на стол два червонца, деньги по тем временам солидные. — А вот как мы браслетики сымем?

Хан осмотрел вилку и сказал:

— Придержи, деловой.

Сынок держал вилку, а Хан начал откручивать у нее зубец, именно откручивать, будто тот и не был железным.

— Пальчики у тебя вроде стальные, — глядя на манипуляции Хана, восхищенно сказал Сынок.

— Соху потаскаешь, обвыкнешься, — Хан отломал зубец и согнул об стол в крючок, затем опустил руку под стол и вставил крючок в замок наручника.

Глядя в потолок и шевеля губами, будто читая там какие-то заклинания, Хан через несколько минут вздохнул облегченно и положил на стол свободные руки. Потирая натруженную кисть, он посмотрел в окно и сказал:

— А вот и распогодилось.

Дождь действительно кончился, просветлело. Публика потянулась к дверям, некоторые разува-

лись, подворачивали брюки. Хан поднялся, взял со стола червонец, другой подвинул Сынку и сказал:

— Бывай, — и шагнул к выходу. Сынок схватил его за рукав.

— А я? Кореша бросаешь, подлюга? — Он брякнул цепью наручника, который охватывал его руку.

— Сунь в карман и топай себе, дружки тебе бранзулетку снимут, — равнодушно ответил Хан. — Ты деловой, а я от сохи, нам не по дороге.

— Тебе лучше остаться, — медленно, растягивая слова, сказал Сынок.

— Не пугай, — Хан улыбнулся, лицо его вновь просветлело, но глаза были нехорошие, смотрели равнодушно.

Сынок его отпустил, взял со стола крючок, сделанный из вилки, и сказал:

— Я к тебе предложение имею. Сядь. — Он ударил кружкой по столу и, когда мальчишка-половой подбежал, сказал: — Подотри и принеси, что там из отравы имеется.

Мальчишка фартуком вытер осклизлый стол, забрал пустые кружки и исчез. Хан взял крючок, опустил руки под стол, звякнул металлом и положил наручники Сынку на колени.

— Прибереги на память, деловой.

— Ты памятный, — Сынок спрятал наручники в карман. — Не простой ты, мальчонка, совсем не простой. — Он рассмеялся.

Хан тоже улыбнулся.

— Простых либо схоронили, либо посадили... — Он замолчал, так как подошел хозяин заведения, который, поклонившись, спросил:

— Желаете покушать, господа хорошие? — Он протер и без того чистый стол. — У нас не ресторация, но по-домашнему накормим отлично-с.

Закусочная опустела, лишь за столиком у двери пил пиво какой-то оборванец. Смокинг Сынка внушал хозяйчику уважение, и он смотрел на молодого человека подобострастно.

— Колбаса изготовлена по специальному рецепту, можно с лучком пожарить, грибочки, огурчики из подпола достанем-с...

— «Смирновская» имеется? — перебил Сынок и, поняв, что имеется, продолжал: — Корми, недорезанный, — он рассмеялся собственной остроте. — Да не обижайся, мы с тобой элемент чуждый, на свободе временно. Вот кучера собственного встретил, — Сынок указал на Хана. — Раньше-то он дальше кухни шагнуть не смел, теперь за одним столом сидим. Мы сейчас все у общего корыта, все равны.

Хозяин склонился еще ниже и доверительно зашептал:

— Этого, простите, никогда не будет. Можно у одного отнять, другому отдать. Так все равно-с, простите, один будет бедный, другой богатый.

Николай-Сынок взглянул на хозяйчика лукаво и спросил:

— А если поделить?

— На всех не хватит, — убежденно ответил хозяин. — Больно человек жаден, ему очень много надобно, — и развел руками, показывая, как много надо жадному человеку.

Хан, сидевший все это время неподвижно, глянул на хозяина недобро, покосился на Сынка:

— Так что, барин, есть будем или разговаривать?

— Ишь, — Сынок покачал головой, — пролетариат свой кусок требует. Неси, любезный, и... — он кивнул в сторону двери, у которой сидел оборванец, — не сочти за труд.

— Сей минут, в лучшем виде, — хозяйчик поклонился, подбежал к оборванцу, забрал пустую кружку, что-то зашептал сердито. Оборванец поддернул штаны, смачно сплюнул и, насвистывая, вышел на улицу. Остановился у стоявшего неподалеку от закусочной извозчика.

— Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»!

Извозчик взглянул на рваную тельняшку, чумазое лицо и нечесанные волосы и отвернулся.

— «Я ушел, и мои плечики скрылись в какой-то тьме». Счастье свое не проспи, ямщик. — Оборванец вновь поддернул штаны и направился в сторону Тверской, свернул в Гнездниковский, вошел в здание Московского уголовного розыска, который большая часть москвичей называла МУРом, а меньшая — «конторой». Здесь оборванец зашел в один из кабинетов, где за огромным столом сидел солидный, уже пожилой мужчина в пенсне.

— Разрешите войти, товарищ субинспектор? — оборванец щелкнул каблуками.

— Вы уже вошли, Пигалев. — Мелентьев снял пенсне и начал протирать его белоснежным платком.

Агент третьего класса Семен Пигалев работал в уголовном розыске уже пятый месяц и мог быть самым счастливым человеком на свете, если бы не фамилия, к которой редкий человек мог остаться равнодушным.

Субинспектор Мелентьев никогда не позволял себе шуток по этому поводу, произносил фамилию Семена уважительно, без ухмылочек и многозначительного подмигивания. Семен взглянул на него с благодарностью и доложил:

— Объекты, — Пигалева хлебом не корми, дай вернуть ученое слово, — ушли от конвоя, дождь переждали в закусочной на Трубной, заказали обед. Я оставил там Серегу Ткачева, велел глаз не спускать.

Мелентьев и бровью не повел, хотя знал, что кучером в пролетке сидел агент первого класса, работающий в угро шестой год и, не в пример Пигалеву, человек опытный.

— Благодарю вас, Пигалев. Приведите себя в порядок и доложите Воронцову.

— Слушаюсь, — Пигалев распахнул дверь и чуть не столкнулся с входящим в кабинет сотрудником, который в форме рядового милиционера час назад конвоировал Сынка и Хана.

— Как здоровье, Василий? — с издевкой шепнул Пигалев. — Головушка бобо?

Василий Черняк, среднего роста, с выправкой кадрового военного, перетянутый ремнями, с влажными после мытья волосами, взглянул на Пигалева недоуменно и развел руками, как бы говоря: совсем обнаглел, братец. Семен понял товарища и поспешил убраться, а Черняк вошел в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, сказал возмущенно:

— Мы так не договаривались, Иван Иванович! Я боевой командир Красной Армии, орденоносец!

Мелентьев надел сверкающее пенсне, оттянул пальцем крахмальный воротничок и вздохнул.

— У меня сын недавно родился. — Черняк осторожно дотронулся ладонями до головы, казалось, он сейчас ее снимет и поставит перед субинспектором, как вещественное доказательство творящихся безобразий. — Сын, Иван Иванович! Он маленький, ему отец нужен, даже необходим.

— И чем же это вас? — поинтересовался Мелентьев, пенсне надежно скрывало его смеющиеся глаза, а тон был участлив безукоризненно.

— Чем-чем, — смутился Черняк, — кулаком! Меня в девятнадцатом один беляк рукояткой нагана шаракнул, я качнулся, и только. А тут...

— Возраст, батенька, — Мелентьев указал на стул. — Как я понимаю, вас ударили. Кто именно?

— Чернявый, как молотком...